

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ У И. ТУРГЕНЕВА И В. РАСПУТИНА

Иванова В. Я.

Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1120-5688>

Аннотация. В статье рассматриваются женские образы в двух произведениях русской литературы – очерке Ивана Тургенева «Живые мощи» из сборника «Записки охотника» и повести Валентина Распутина «Последний срок», с целью обнаружения общности духовно-этических ценностей, присущих традиционной русской культуре. В статье используется аксиологический подход с позиций христианско-православных ценностей, в отечественном литературоведении представленный статьями В. В. Зеньковского, монографией М. М. Дунаева, концепциями В. Е. Хализева и И. А. Есаулова, а также работами ряда исследователей.

Наряду с портретным сходством Лукерьи и старухи Анны рассматриваются единство их характеров, миросозерцания, отношения к миру, сформированные ведущей для христианства идеей спасения. Категория вечности, связанная с идеей спасения, является ключевой для двух женских образов. Выявление единства глубинных основ характеров героинь позволяет определить тип русской женщины с фундаментальными в православной этике качествами – смирением, терпением, пониманием греха, покаянием, признанием величия Божьего мира, верой в спасение души и вечную жизнь, что является духовно-нравственным ядром образов.

Категория вечности в соотнесении с категорией времени рассматривается в статье согласно христианским ценностям с опорой на Священное Писание, труды Августина Блаженного, А. Ф. Лосева. Вечность определяется как отсутствие времени, линейной и однонаправленной протяженности, и как одновременность прошлого, настоящего, будущего. Как и у Августина Блаженного, у Тургенева и Валентина Распутина топосом восприятия вечности остается сердце человека, который включен в благодарный диалог с Богом.

Сравнительно-типологический анализ образов центральных героинь двух произведений обнаруживает непрерывность культурной памяти русского народа. Результаты данного исследования могут быть использованы в курсе школьного преподавания литературы, а также в дисциплинах высшего филологического образования, связанных с историей отечественной литературы и проблемами современного литературного процесса.

Ключевые слова: писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; образ женщины; русские женщины; аксиологический подход; христианская картина мира; художественное время; категория вечности; очерки; повести.

IMAGE OF A RUSSIAN WOMAN BY I. TURGENEV AND V. RASPUTIN

Valentina Ya. Ivanova

Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1120-5688>

Abstract. The article considers female images in two works of Russian literature, Ivan Turgenev's essay "Living Relics" from the collection "Notes of the Hunter" and Valentin Rasputin's novel "The Last Term", in order to discover the common spiritual and ethical values inherent in traditional Russian culture. The article uses the axiological approach from the perspective of Christian Orthodox values, presented in domestic literary criticism by the articles of V. V. Zenkovsky, the monograph of M. M. Dunaev, the concepts of V. E. Khalizev and I. A. Esaulov, as well as the works of a number of researchers. Along with the portrait similarity of Luker'ya and the old woman Anna, the study looks at the common features of their characters, world vision, attitude to the world, formed by the pivotal Christian idea of salvation. The category of eternity associated with the idea of salvation is a key feature of the two female images. The identification of the unity of the deep foundations of the personalities of both characters allows one to determine the type of Russian woman with fundamental qualities in Orthodox ethics

– humility, patience, understanding of sin, repentance, recognition of the greatness of God's world, faith in the salvation of the soul and eternal life, which is the spiritual and moral core of images. The category of eternity in relation to the category of time is considered in the article according to Christian values with the support of the Holy Scriptures, the works of Augustine the Blessed, A. F. Losev. Eternity is defined as the absence of time, linear and unidirectional extension, and as the contemporaneity of the past, present and future. Like Augustine the Blessed, Turgenev and Rasputin define the heart of the person who is engaged in a grateful dialogue with God as the topos of eternity perception. A comparative typological analysis of the images of the female protagonists of the two works reveals the continuity of the cultural memory of the Russian people. The results of this study can be used in the course of teaching of literature at school, as well as in the disciplines of higher philological education related to the history of Russian literature and the problems of the modern literary process.

Key words: writers; literary creativity; literary genres; literary plots; literary images; the image of a woman; Russian women; axiological approach; Christian picture of the world; artistic time; category of eternity; essays; stories.

Для цитирования: Иванова, В. Я. Образ русской женщины у И. Тургенева и В. Распутина / В. Я. Иванова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 131–141. – DOI: 10.26170/FK20-04-13.

For citation: Ivanova, V. Ya. (2020). Image of a Russian Woman by I. Turgenev and V. Rasputin. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 4, pp. 131–141. DOI: 10.26170/FK20-04-13.

Введение. Эмоциональное потрясение, которое испытал Валентин Распутин в школе при чтении очерков Ивана Тургенева «Записки охотника», он вспоминал в зрелые годы (2006). «Никогда не забуду своего неожиданного и счастливого преобразования, происшедшего со мною, когда вызвали меня к доске прочитать отрывок из рассказа И. С. Тургенева „Певцы“. <...> Дома, готовя урок, я прочитывал этот отрывок спокойно, но перед классом, <...> донёсшийся вьяви голос Якова вдруг пронзил меня, сердце моё захолонуло от восторга, словно бы проклюнулось,хватило воздуха, и к глазам тоже стали подниматься слёзы, голос мой сорвался и умолк...» [Распутин 2007: 275]. Впечатление от прочитанного жило в душе всю жизнь, и его отчетливость в памяти семидесятилетнего человека свидетельствует о силе влияния «Записок охотника» на будущего писателя. Тургеневское слово не могло не отразиться в его творчестве. Возможно, один из таких следов – связь очерка «Живые мощи» с повестью «Последний срок». Написанные во Франции «Записки охотника» оказались созвучными произведению, написанному в атмосфере совсем иного – атеистического – времени, и, казалось бы, с другими ценностями. Чувство духовно-нравственных истоков отечественной культуры, глубинных основ души русской женщины соединило произведения двух писателей через столетие (1874 г. и 1970 г.).

Методология исследования. Аксиологический подход, связанный с христианско-православной традицией русской культуры, представленный в литературоведении статьями В. В. Зеньковского [Зеньковский 2008], монографией М. М. Дунаева [Дунаев 2001–2004], концепциями В. Е. Хализева [Хализев 2005] и И. А. Есаулова [Есаулов 1995; 2004; 2017], развивается в работах ряда исследователей: В. Н. Захарова, Д. В. Макарова, В. И. Мельника, Л. В. Камединой, И. А. Казанцевой, А. А. Новиковой-Строгановой, В. А. Редькина и других. В. А. Редькин, рассматривая проблемы развития православно-аксиологического подхода, заключает, что «следует отметить мощную традицию православного мировосприятия, свойственную русской литературе, и ее интертекстуальность в отношении Священного Писания. Только обращаясь к этим проблемам, можно всесторонне проанализировать основные тенденции литературного процесса и проникнуть в глубину художественного текста» [Редькин 2018: 76]. Творчество Тургенева с позиции христианско-православной аксиологии представлено в монографии А. А. Новиковой-Строгановой [Новикова-Строганова 2015]. В докладе В. Н. Захарова «Уроки Достоевского в „Записках охотника“ Тургенева» на Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию И. С. Тургенева (СПбГУ, 15–17 ноября 2018 г.), отмечено, что «И. С. Тур-

генов был одним из немногих, кто смог понять, оценить и развить антропологические открытия его романа „Бедные люди“: каждый человек несет в себе образ Божий» [Карпов, Тверьянович 2019: 107]. Но при этом, «по мнению докладчика, возвеличивание и возвышение „маленьких“ людей у Тургенева стало не столько результатом уроков, усвоенных у Достоевского, сколько результатом следования идеям христианской антропологии, правде жизни и откровению искусства» [Карпов, Тверьянович 2019: 107]. В. Н. Захаров обращает внимание на единство отечественной традиции, внутри которой выросло миропонимание двух писателей (Достоевского и Тургенева), на общность христианской этики. Выявлению единства отечественной традиции, основанной на православной картине мира, в произведениях Тургенева и Валентина Распутина посвящена данная статья.

Цель. Сравнительно-типологический анализ двух произведений – очерка «Живые мощи» Тургенева и повести «Последний срок» Валентина Распутина, разделенных столетием по времени написания, позволяет обнаружить сходные качества характеров центральных образов Лукерьи и Анны, их миропонимания, отношения к миру, выражающих тип русской женщины, с присущими ей духовно-этическими ценностями, сформированными православной верой.

Этапы исследования. Эпиграф к очерку «Живые мощи», взятый Тургеневым из стихотворения Ф. Тютчева, «Край родной долготерпенья – Край ты русского народа!» [Тургенев 2017: 415], соединяет Лукерью, главную героиню очерка «Живые мощи», с Анной, главной героиней повести Валентина Распутина «Последний срок». Женские образы обнаруживают родство в миропонимании, отношении к миру, к жизни, связь с христианской этикой. Личная трагедия Лукерьи получает мощное звучание в соединении терпения и мужества человека с судьбой народа, что проходит лейтмотивом в очерке, это же значимо и в судьбе Анны из повести Валентина Распутина. Впервые очерк «Живые мощи» (СПб., 1874) был напечатан в книге «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии» [Тургенев

2017: 475]. Фактом своего появления очерк отметил сострадание русского человека, сочувствие и укрепление силы духа пострадавших, оказывал реальную помощь. Эпиграф к очерку Тургенева можно поставить и эпиграфом к повести Валентина Распутина. Сила жизни и духа, запечатленная Тургеневым, проявилась в образе Анны, как и в других распутинских старухах, вынесших тяготы и трудности российской истории XX века.

Близким в обоих произведениях оказывается сюжет, основанный на череде воспоминаний: Лукерья – о молодости и днях болезни, Анны – о детях, о молодости и своей жизни. Непоследовательная цепь воспоминаний каждой из героинь актуализирует мотив памяти как сюжетообразующий в произведениях. Важно присутствие нового человека, одна из последних встреч в их жизни (барин Петр Петрович с Лукерьей, дети Варвара, Илья, Люся с матерью), ставшая импульсом к восстановлению событий в памяти. Воспоминания Лукерьи близки к исповеди мученицы. Воспоминания старухи Анны – это исповедь праведницы перед собою, совестью и Богом. Оба исповедания возникли перед уходом из жизни: в последние три дня Анны, в последние недели Лукерьи. Обе исповеди отражают состояние человека на границе жизни и подводят итоги прожитого. При этом следует заметить, что воспоминания Анны раскрываются через описание ее внутренних монологов, интроспективно. Лукерью читатель видит глазами повествователя, являющегося ее собеседником в диалоге, и в пересказе слов о ней, то есть извне. В очерке Тургенева исповедальное начало выражено более традиционно – как признание о сокровенном другому.

Образы Лукерьи и Анны близки психологическими портретами, несмотря на несхожесть судеб – непрожитость жизни одной и исполненность жизни другой. Контраст молодости и старости двух героинь парадоксально подчеркивает родство их внутреннего мира, миропонимания и отношения к миру. А. А. Новикова-Строганова так характеризует Лукерью: «вера в Христа Спасителя, религиозное мирозерцание Лукерьи, христианское смирение становятся для нее источником огромной духовной силы, несказанной душевной красоты» [Новикова-Строганова

2015: 29]. Иконописность героини Тургенева эксплицирована в очерке: «Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать, ни взять икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать – только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди желтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами, как палочками, две крошечные руки тоже бронзового цвета» [Тургенев 2017: 417]. В описании облика Лукерьи автор выделяет светлые глаза, голос, как шелест болотной осоки. К концу впечатление иконописности усиливается. «Она взглянула на меня – и ее темные веки, опущенные золотистыми ресницами, как у древних статуй, закрылись снова. Спусти мгновенье они заблестали в полутьме... Слеза их омочила» [Тургенев 2017: 425]. Пребывание Лукерьи в полутьме, подчеркнутой повествователем («темно», «темнота»), связывает образ с пространством церкви и сияющими в темноте свечами. Анна, главная героиня повести «Последний срок» – старуха восьмидесяти лет лежит на кровати и тоже не встает, «высохла и ближе к концу вся пожелтела» [Распутин 2007, т. 2: 8]. В облике обеих женщин подчеркнуты внешние признаки архетипа православной святости, аскетического монашеского образа, запечатленного в древнерусских иконах с присущей облику нетелесностью, невесомостью, тонкостью. Их образы реминисцентны и отсылают к ликам святых – святителей, мучеников, праведников.

Но если иконописность лица Лукерьи эксплицирована в тексте, то облик старухи Анны как иконы проявляется в повести «Последний срок» постепенно, через описание светонности окружающего пространства, общения умирающей женщины с солнечным светом. «Повсюду было тихое, спокойное сияние» [Распутин 2007, т. 2: 66], «золотистый свет был неярким и теплым, и старуха <...> потихоньку усмирилась», «на исходе этого спокойно-ясного дня» [Там же: 148], «простор, залитый ясным немим светом» [Там же: 176–177], «в его молчаливом пронзительном свете» [Там же: 202]. Можно заметить особые отношения Анны с солнечным светом: ее радость при виде первых лучей, проникающих в окно, сосредоточенность на сиянии, что усилива-

ет светонность образа. «Четкое закатное солнце било прямо в окно, под которым лежала старуха. Солнце <...> сверху вторым своим светом расходилось по сторонам» [Там же: 49]. Свет окружает старуху все последние три дня. Пронизанный сиянием закатного света, насыщенный, густо золотого, облик старой женщины ассоциативно соединяется с золотой иконой. Описание того, что видит Анна в окно, дополняет реминисценцию православной иконы с важнейшим изобразительным средством – ассистом как символическим выражением Божественного мира: «она подняла глаза и увидела, что, как лесенки, перекинутые через небо, <...> поверху бьют суматошные от радости, еще не нашедшие землю солнечные лучи» [Там же: 61]. Лучи-лесенки, словно ассист в русской иконе, усиливают иконописность женского образа. Мотив света, основополагающий в иконографии старухи Анны, соотносится со «светом во тьме» из Евангелий, посланий апостолов, Откровения Иоанна Богослова. Метафора «свет во тьме» характеризует обеих женщин как носительниц христианской духовности, обнаруживает сакральную семантику их образов.

Обе женщины создают вокруг себя пространство, словно овеванное благодатью. Плетеный сарайчик, куда убирают улья на зиму, и где летом лежит Лукерья («Я заглянул в полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой» [Тургенев 2017: 416]), увиден глазами повествователя. Для самой Лукерьи важно наличие воды для питья («а вода – вон она в кружке-то: всегда стоит припасенная, чистая, ключевая вода» [Там же: 420]) и цветов – ландышей, которые приносит девочка-сиротка. «Хорошенькая такая, беленькая. Она цветы мне носит; большая я до них охотница, до цветов-то. Садовых у нас нет, – были, да перевелись. Но ведь и полевые цветы хороши, пахнут еще лучше садовых. Вот хоть бы ландыш... на что приятнее!» [Там же: 420]. В темноте сарайчика белые цветы и беленькая девочка особенно выразительны. Старуха Анна существует в пространстве тишины, она словно создает ее вокруг себя: «затихла», «нашло глубокое и ясное <...> выражение покоя», «в тихую, теплую радость», «спокойным <...> плачем», «упоминание о Боге успокоило ее», «тело <...> застывшее в немой неподвижно-

сти», «втихомолку плача», «потихоньку усмирилась», «она плакала неподвижно и молча, без единого звука», «свои молчаливые слезы», ее «тихие» воспоминания, «неслышная <...> печаль», «голос был слишком тихим», «потихоньку», и наконец, «мать у нас, сам видишь, бессловесная». Тихой благодатью наделен образ Анны. Тишина, светоносность облика, недвижимость объединяют женские образы в очерке Тургенева и повести Валентина Распутина.

Слезы, тихие, смиренные – важная часть образов Лукерьи и старухи Анны. Лукерья вспоминает о посещении бывшего жениха Васи: «а как ушел он – поплакала я таки в одиночку! Откуда бралось!.. Да ведь у нашей сестры слезы некупленные» [Тургенев 2017: 425]. Плач Анны легкий и всегда молчаливый, без единого звука, бесстрастный. Эти тихие плачи двух женщин, наедине, без показа страданий, понятны в традиции православной аскетики, уединенной скорби о своих грехах перед Богом и смирении, где слезы – неизменный спутник молитвы. Название книги святого, афонского монаха Силуана «И плачет душа моя за весь мир» [Силуан 2009: 209] созвучно описанию чувств старухи Анны: «она будто взлетала на крылах над землей и, не улетая, делала большие плавные круги, тревожась и втихомолку плача о себе и о всех людях, которые еще не нашли успокоения» [Распутин 2007, т. 2: 116–117]. Связь с православной аскетикой обозначена в названии очерка «Живые мощи», воспринимаемого как образ святого, что отмечают многие исследователи. Название очерка по-евангельски прочитывается как духовная сила, способность преодоления («ибо сила Моя совершается в немощи») (2 Кор: 12, 9) [Библия 2006: 1247]) и идея Воскресения. Сила соединяется с немощью, полнота духовной жизни с физическим угасанием – образ «живых мощей» многозначен. Внутренней силой отличается и образ старухи Анны.

Иконописность облика усиливает родство внутреннего мира двух русских женщин. При этом восприятие ими окружающего мира отличается радостью жизни во всей полноте и красоте. Это удивительно, помня о физическом состоянии каждой из них. Старая Анна, прожив трудную, полную страданий жизнь, «в последние годы все чаще и чаще думала

о солнце, земле, траве, о птичках, деревьях, дожде и снеге – обо всем, что живет рядом с человеком, давая ему от себя радость» [Распутин 2007, т. 2: 123]. О своей молодости она думает как о счастье, ей дарованном: «все чисто и азартно блещит, пахнет остро, свежо, звенит от птиц и стекающей воды» [Там же: 184]. Теми же чувствами полна душа Лукерьи. «Нет... а так лежу я себе, лежу-полеживаю – и не думаю; чую, что жива, дышу – и вся я тут» [Тургенев 2017: 421]. Неподвижный, прикованный к постели, человек способен радоваться тому, что на пасеке жужжат и гудят пчелы, воркует голубь на крыше, курочка с цыплятами зашла крошек поклевать, воробей или бабочка залетела, ласточки построили гнездо и вывели птенцов, заяц забежал – спрятался от охотников. Встреча с зайцем описана, словно глазами ребенка, открывающего мир и радующегося этому открытию. «Сел близехонько и долго-таки сидел, все носом водил и усами дергал – настоящий офицер! Понял, значит, что я ему не страшна. Наконец встал, прыг-прыг к двери, на пороге оглянулся – да и был таков! Смешной такой!» [Там же: 422]. Прозрительность, чистота и детскость души, незлобие, внутреннее согласие, гармония с окружающим, сочувствие всему, благодарность за жизнь определяют характеры обеих женщин, что близко к святости, состоянию благодати, доверию к жизни. «Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чем я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест – значит, меня он любит. Так нам велено это понимать», считает Лукерья [Там же: 422].

Обе женщины отличаются обостренной восприимчивостью жизни, впечатлительностью. При внешней неподвижности они обладают полнотой жизни, чуткими откликами на то, что происходит вокруг. «А я, слава богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землей роется – я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду – мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло» [Тургенев 2017: 420]. Та же острота восприятия характерна старухе Анне, которая слышит то, чего не слышат другие. «Старуха лежала, слушала – слушала, с каким вниманием дышит

в ночи изба, освещенная колдовским, рясым светом звезд, слушала глухие невольные вздохи дремлющей земли, на которой стоит изба, и высокое яркое кружение неба над избой, и шорохи воздуха по сторонам – и все это помогало ей слышать и чувствовать себя, то, что навсегда выходило из нее в ночной простор, оставляя плоть в легкости и пустоте» [Распутин 2007, т. 2: 179–180]. Настроенность на диалог с миром характерны и для Лукерьи, и для старухи Анны. Возникает парадоксальное сочетание угасания в человеке жизни и открытости ей. Слова Лукерьи «Только одна я – живая!», или «чую, что жива, дышу – и вся я тут», можно понять и как уникальность чувства полноты жизни, и как ощущение себя живой в аспекте христианской духовности. В Евангелии мотив живого многократно утверждается: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк; 20: 38) [Библия 2006: 1128]. Мотив жизни как ведущий евангельский мотив звучит и в Откровении Иоанна Богослова: в начале – «не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти» [Библия 2006: 1291]; книга жизни, вода жизни, древо жизни присутствуют в двух последних главах Откровения. Воскресение Иисуса Христа в христианстве несет идею жизни, спасения души. В христианском аспекте ощущение Лукерьи себя живой и «живая» умирающая Анна воспринимаются принадлежащими вечной жизни.

Ощущение красоты земной жизни, радости и полноты бытия выражаются в любви обеих женщин к песни. Русская народная песня обогащает красоту их внутреннего мира. Лукерья, первая красавица среди всей дворни, плясунья, певунья, умница, в своем немоющем состоянии поет. «Да, песни, старые песни, хороводные, подблюдные, святочные, всякие! Много я их ведь знала и не забыла» [Тургенев 2017: 424]. Девочку-сиротку Лукерья выучила четырем песням. Старинные песни любит и старуха Анна. «Старуха любила слушать старинные песни и посылала Нинку за Миронихой, чтобы слушать вместе, но их пели редко, всё больше чем-то брэнчали. От ранешних протяжных песен она будто взлетала на крылах над землей», тогда «ей чудилось, что эти песни поют у кого-то на поминках

<...> и она про себя подтягивала им, провожая незнакомую освободившуюся душу, которую не иначе как и встречать на том свете будут таким же старинным пением» [Распутин 2007, т. 2: 116–117]. Песенность обеих женщин открывает в их характерах чувство красоты мелодии, человеческого голоса и певучего русского слова. Песни выражают гармонию души и позволяют ей быть в согласии с земными и небесными звуками, откликаться на звуки природы. Песенность отмечает легкость души обеих женщин, не отягощенных земным бременем.

Мотивы сна и видения дают возможность обоим писателям изобразить общение души с трансцендентным. В очерке Тургенева Лукерья рассказывает барину-охотнику свои сны, которых несколько. Спит она редко, «но всякий раз сны вижу, – хорошие сны!» [Тургенев 2017: 425]. Метафоричен облик русской красавицы в мифопоэтическом контексте первого сна. В нем вокруг Лукерьи высокая спелая розь, крупные васильки, в руке серп-месяц, который она надевает на голову, не успев нарвать васильков. Картина летней жатвы с золотом колосьев и синевой васильков несет коннотации образа сказочной царевны, у которой месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит. Пушкинские строки невольно всплывают при описании сна Лукерьи. Образ царственности усилен этимологией слова «васильки» и именем Васи, которого ждет девушка. Жатва, безусловно, имеет евангельские смыслы жатвы-Суда Божия. Встреча христовой невесты и Жениха, так как вместо ожидаемого жениха приходит Христос, наделяет сон смыслом спасения души, введения в вечность. Слова, обращенные к девушке, приглашающие ее в Царство Небесное, обнаруживают евангельский мотив невесты-души, ожидающей Жениха, своего спасения. Второй сон-видение Лукерьи – встреча с умершими родителями, которые ей низко кланяются и благодарят за облегчение грехов. В еще одном сне Лукерья видит себя странницей на дороге, ведущей от земной жизни. Каждый из этих снов – выход в другой мир, с иными, неземными пространственно-временными координатами, переход границы жизни в смиренной готовности встречи души с вечностью. Необычную картину в своей памяти хранит Анна – воспомина-

ние о будущем, о своем уходе из жизни, время которого она не знает. В сюжете видения происходит встреча Анны с неведомой старухой, и затем одинокий уход вдаль. Но сначала она видит лестницу, по которой спускается сама, а навстречу ей с другой лестницы спускается другая старуха, Анна протягивает ей ладонь, и перед ними открывается залитый светом простор. Подав руку другой старухе, Анна чувствует, «что рука свободно, как в рукавичку, входит в другую руку, полную легкой, приятной силы, от которой оживет все ее немощное тело» [Распутин 2007, т. 2: 177]. Те же чувства легкости, радости, света, освобождение от физических страданий испытывает в своих снах Лукерья.

Важно, что в последние минуты встречи с небесной старухой Анна слышит колокольный звон – перезвонницу. Она идет навстречу колокольному звону. «И тогда, никого не пугаясь, счастливо и преданно она пойдет вправо – туда, где звенят колокола. <...> Ее уведет за собой затихающий звон» [Распутин 2007, т. 2: 177]. В конце очерка «Живые мощи» после различных звуков – трелей жаворонков, капли росы, пения соловья, жужжания пчел на пасеке, писка птенцов ласточек, шелеста песни и других – появляется колокольный звон как последнее, что слышала Лукерья. «Рассказывали, что в самый день кончины она все слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничный. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а „сверху“. Вероятно, она не посмела сказать: с неба» [Тургенев 2017: 430]. Описанием звона колоколов, который шел с неба, заканчивается очерк Тургенева, звон колоколов уводит за собой Анну. Колокольный звон для обеих женщин – вершина и завершение земной жизни, знак высшего участия, приобщение к вечности.

Сближает оба женских характера понятие греха. Два произведения разделяет век российской истории, и то, что еще крепко было связано с христианской традицией во времена Тургенева, с начала XX века насильно стиралось из внешней и внутренней жизни человека, в том числе и в детские годы Валентина Распутина. И все-таки, несмотря на запрет, христианская традиция сохранилась в культурной памяти народа. Ощущения сты-

да и вины – настойчивый мотив дум, воспоминаний старухи Анны в ее последние дни: стыд перед Таньчорой, что долго с ней не виделась, воспринимается матерью как грех, грехом осознается и то, что не смогла уберечь детей. В миропонимании двух старых женщин – подруг, Анны и Мироники, стыд и грех сопряжены. Старуха Анна словно собирает и пересматривает в эти дни свои грехи как на исповеди, перед самой собою, перед своей совестью. Связанное с признанием греха покаяние и исповедь идут вслед за воспоминаниями Анны о том, что она сдаивала оставшиеся после дойки колхозной теперь коровы Зорьки капли молока для голодных детей. Люся нечаянно увидела, что делает мать. «И такой стыд меня взял, такой стыд взял – руки опускаются. И ить, девка, после того извиниватилась, я в глаза-то Люсе до-о-олго не могла глядеть. Ишо и сичас, думаю: помнит она или не помнит?», – признается Анна Миронихе [Распутин 2007, т. 2: 128]. Объясняя, что этим молоком она спасла детей от голода и сохранила им жизнь, Мирониха словно отпускает Анне многолетний мучительный грех. Лукерья же отсутствием возможности греха определяет достоинства своего положения. «Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел» [Тургенев 2017: 420]. Признание греха – ключевая категория в христианской этике, напрямую связанная с сотериологией, идеей спасения и обретения душой вечной жизни. Постоянное памятование о грехе утверждает взгляд обеих женщин на жизнь через ценность вечности.

Молитвенное состояние также сближает образы старухи Анны и Лукерьи. Валентин Распутин изображает соединение мыслей, воспоминаний, грез с молитвами и упоминанием Бога в образе Анны. Встречаются части полузабытых молитв, краткая Иисусова молитва – умная молитва православных монахов-исихастов: «Слава те, Господи <...>» [Распутин 2007, т. 2: 43], «Господи, упаси и помилуй» [Та же: 60], «Господи, прости нам прегрешения наши <...>» [Там же: 176] и другие. Молитвенное состояние старухи Анны отделяет ее от земного мира, делает возможным одновременное пребывание в нем и над ним: «старуха крестилась, не подымая глаз»

[Там же: 50], «и про Таньчору Богу помолилась» [Там же: 65], «будто сотворила короткую очищающую молитву» [Там же: 123], «и тогда старуха решила бы, молиться ей <...>» [Там же: 157], «взмолилась» [Там же: 171], «начала она молитву» [Там же: 176]. Анна находится рядом с близкими ей людьми, и словно не с ними: молясь, она находится в постоянном общении с Богом. К концу повести, в ожидании последнего срока, происходит сгущение молитвенной лексики: существительные «молитва», формы глагола «молиться» передают семантику непрерывного обращения к Богу. С молитвами связана жизнь Лукерьи: «А то я молитвы читаю, – продолжала, отдохнув немного, Лукерья. – Только немного я знаю их, этих самых молитв. <...> Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим – да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!» [Тургенев 2017: 422]. Молитвенное состояние необходимо для Лукерьи, как и христианское самоуничижение, избегание мысли о праведности.

В обоих произведениях присутствует описание главного церковного обряда – причастия и литургии. В очерке «Живые мощи» – это упоминание Лукерьи о недавнем приходе священника. «Намеднишь отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: „Тебя, мол, исповедовать нечего; разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?“» [Тургенев 2017: 420–421], чем подчеркивается безгрешность души Лукерьи, как бы освобожденной от всего земного. В повести «Последний срок» описание литургии и мотив причастия свернут, скрыт внутри воспоминаний-видений Анны, и части литургии едва уловимы. «Она осторожно *перекрестилась*: пусть *простится* ей, если что не так, она никого не хотела прогневить этим непрошенным воспоминанием, она не знает, откуда оно взялось и как оно к ней попало. <...> Перед глазами в захлопнувшихся створках слева направо поплыли дымные извивающиеся колечки, словно кто-то тотчас принялся окуривать ее перед *новым причастием*. Она вытянулась и замерла, напрягшись в ожидании первого щекотливого прикосновения, от которого по телу начнет разливаться скорбная и усыпляющая *благодать*. Вот и побыла она человеком, познала его царство. *Аминь* <...> Налившись обещанным зво-

ном, повисли над землей колокола» (выделено мной. – В. И.) [Распутин 2007, т. 2: 188]. Отметим, что реминисценция литургии находится ближе к концу повести, и потому имеет особую значимость. Присутствие в художественном мире обоих произведений образа литургии и причастия сакрализует его художественное пространство и время. Вместе с литургией в реальный мир событий входит евангельское время – время тайной вечери, моления в Гефсиманском саду, Воскресения, идея спасения – то, что в православной картине мира связано с вечностью.

Результаты. Категория вечности в христианском понимании помогает понять одновременность реальной жизни обеих героинь и их вневременность в ней, отстраненность от земного мира. Принимая окружающее в чувственной полноте, ощущая богатство красок, звуков, запахов, впечатлений, обе женщины одновременно пребывают в другом измерении, соотнося земное с небесным, вечным. И если для молодой Лукерьи такое состояние длится несколько лет, то Анна всю жизнь свои труды, заботы, мысли соизмеряла с вечностью и спасением души. А. А. Новикова-Строганова делает вывод о том, что «своеобразие изображения жизни в рассказах Тургенева предстает в динамике взаимодействующих планов бытия: национально-русского и вселенского, конкретно-исторического и философско-универсального, социально-политического и религиозно-нравственного, земного и надмирного, сиюминутного и вневременного, вечного, – всего того, что составляет живую русскую душу „Записок охотника“» [Новикова-Строганова 2015: 38]. При этом важно помнить следующее. В. В. Зеньковский, говоря о настоящих откровениях, приближающих человека к запредельной (трансцендентной) сфере в прозе писателя, настаивает: «в душе Тургенева не было или почти не было того, что овладевает такими откровениями, – не было религиозной веры» [Зеньковский 2008: 331]. И далее, восхищаясь художественным мастерством писателя, философ называет православие чужой для Тургенева религией. «Тем поразительнее его вживание в чужую религиозную жизнь; не имея ее в себе <...>. Как мог он так необыкновенно четко изобразить переживания Лукерьи («Живые мощи»)

и особенно видение Христа в ее сне?» [Зеньковский 2008: 331]. Удивительно, что нерелигиозное миропонимание и иные культурные предпочтения не помешали Тургеневу с художественной мощью изобразить глубинные качества русского народа.

Вечность в православной картине мира определяется как отсутствие времени, линейной и однонаправленной протяженности, как одновременность прошлого, настоящего, будущего, их симультанность. В Откровении Иоанна Богослова сказано о грядущем: «что времени уже не будет» (Откр; 10: 6) [Библия 2006: 1297]. Топосом вечности наделена душа человека в согласии с евангельскими словами: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк; 17: 20) [Библия 2006: 1123]. Царство Небесное в образе Нового Иерусалима, Небесного града завершает Новый завет и запечатлевает вечность и нахождение вне земли и неба («увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба» (Откр; 21: 2) [Библия 2006: 1304]) как особую форму существования. В своей «Исповеди» Августин Блаженный пишет следующее о соотношении времени и вечности: «в вечности ничто не преходит, но пребывает как настоящее во всей полноте; время, как настоящее, в полноте своей пребывать не может». И далее: «Кто удержал бы человеческое сердце: пусть постоит недвижно и увидит, как недвижная пребывающая вечность, не знающая ни прошедшего, ни будущего, указывает времени быть прошедшим и будущим» [Августин Блаженный 2007: 333]. Августин определяет топором вечности сердце человека и отмечает условие его постижения – недвижность. Определение А. Ф. Лосева согласуется с определением Августина Блаженного: «когда само время обратится в *бесконечно уплотненное* время, т. е. только тогда, когда оно станет самой вечностью» [Лосев 2014: 135]. Такое состояние души с позиции православной аскетики называется «обожение», обновление ветхого человека, преображение.

Именно это состояние характерно для центральных женских образов Тургенева «Живые мощи» и Валентина Распутина «Последний срок». Старуха Анна оказывается носителем православной традиции, образом праведницы и молитвенницы. Повесть молодого

Валентина Распутина (1970 г.) утверждает непрерывность культурной памяти народа, запечатленной в христианском архетипе святости, связанном с идеей спасения и категорией вечности. Как и у Августина Блаженного, у Тургенева и Валентина Распутина топором восприятия вечности остается сердце человека, который включен в благодарный диалог с Богом, с небесным, высшим.

Выводы. В заключение отметим, что очерк И. Тургенева «Живые мощи» и повесть В. Распутина «Последний срок» связаны в нескольких аспектах: сюжетом – изображением последних дней, недель умирающей женщины и одной из последних ее встреч; композицией – чередой последних дней, недель и воспоминаний с завершением жизни главной героини; портретом – обликом центральной героини, характером – долготерпением, кротостью, неприятием греха, состраданием к другим, милосердием, благодарностью за все, что дано в жизни. Портреты главных героинь произведений, их характеры, миропонимание, отношение к миру, состояние в совокупности представляют тип русской женщины, ее духовно-нравственное ядро. Можно предположить, что образ Лукерьи реминисцентно, усиленный впечатлениями из детства – обликом бабушки Марии Герасимовны, мамы Нины Ивановны, старух-односельчанок и общими для народа одухотворенными, жертвенными примерами женских характеров в военные и послевоенные годы, – стал для Валентина Распутина внутренним зовом к написанию повести «Последний срок» и созданию образа старухи Анны. Общность двух произведений отражается в миропонимании обеих героинь, в восприятии ими мира и себя в мире, обусловленных тысячелетней христианской традицией. Единство двух женских образов в произведениях, разделенных столетием, связь с православной этикой – смирением, терпением, понятием греха, покаянием, радостью и слезами от признания красоты Божьего мира, верой в спасение души и вечную жизнь – свидетельствует о сохранении глубинных констант души русской женщины, смогшей в истории России вынести тяготы войн, разрух, голода и сохранить семью, дом, родину.

Литература

- Августин Блаженный. Исповедь / А. Блаженный ; пер. с лат. М. Е. Сергеенко ; предисл. диак. А. Гуменова. – Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 448 с.
- Библия : книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – Москва : Рос. Библ. о-во, 2006. – 1337 с.
- Дунаев, М. М. Православие и русская литература : в 6-ти ч. / М. М. Дунаев ; Моск. духов. акад. – Москва : Христиан. лит., 2001–2004.
- Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов ; Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. – 288 с.
- Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – Москва : Кругъ, 2004. – 560 с.
- Есаулов, И. А. Русская классика: новое понимание / И. А. Есаулов ; Русская христианская гуманитарная академия. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2017. – 550 с.
- Зеньковский, В. В. Собрание сочинений Т. 1. О русской философии и литературе: статьи, очерки и рецензии (1912–1961) / В. В. Зеньковский ; сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина. – Москва : Русский путь, 2008. – 448 с.
- Иванова, В. Я. «И плачет душа моя за весь мир...»: православная аскетика в иконографии повести В. Г. Распутина «Последний срок» / В. Я. Иванова // Время и творчество Валентина Распутина : междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Валентина Григорьевича Распутина : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; отв. ред. И. И. Плеханова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – С. 348–358.
- Иванова, В. Я. «Окно» в повести В. Г. Распутина «Последний срок»: хронотоп преображения / В. Я. Иванова // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения : межвузовский сб. науч. тр. / под ред. Ю. И. Минералова и О. Ю. Юрьевой. – Москва ; Иркутск : Изд-во ГОУ ВПО «Восточно-Сибир. гос. акад. образования», 2010. – Вып. 22. – С. 94–98.
- Карпов, А. А. Тургеневедение сегодня: итоги и проблемы изучения творчества писателя / А. А. Карпов, К. Ю. Тверьянович // Мир русского слова. – 2019. – № 1. – С. 101–109.
- Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2014. – 320 с.
- Новикова-Строганова, А. А. Христианский мир И. С. Тургенева / А. А. Новикова-Строганова. – Рязань : Зёрна-Слово, 2015. – 336 с.
- Силуан, прп. Плачеть душа моя за весь мир / прп. Силуан Афонский ; сост. В. Лепахин. – Москва : Паломник, 2009. – 237 с.
- Тургенев, И. Записки охотника : очерки / И. Тургенев ; вступ. ст. И. Н. Сухих ; прим. А. С. Степановой. – Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2017. – 480 с.
- Распутин, В. Г. В поисках берега : повесть, очерки, статьи, выступления, эссе / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – 528 с.
- Распутин, В. Г. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов Г. К., 2007. – 440 с.
- Редькин, В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы / В. А. Редькин // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2018. – № 1. – С. 71–78.
- Хализев, В. Е. Ценностные ориентации русской классики / В. Е. Хализев. – Москва : Гнозис, 2005. – 432 с.

References

- Avgustin Blazhennyi. (2007). *Ispoved'* [Confession]. Moscow. 448 p.
- Bibliya : knigi Svyashhennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible: Books of Scripture of the Old and New Testaments]. (2006). Moscow, Ros. Bibl. o-vo. 1337 p.
- Dunaev, M. M. (2001–2004). *Pravoslaviye i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian Literature, in 6 parts]. Moscow, Khristianskaya literatura.
- Esaulov, I. A. (1995). *Kategoriya sobornosti v russkoi literature* [Category of Collegiality in Russian Literature]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta. 288 p.
- Esaulov, I. A. (2004). *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [Easternness of Russian Literature]. Moscow, Krug". 560 p.
- Esaulov, I. A. (2017). *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [Russian Classics: New Understanding]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA. 550 p.
- Khalizev, V. E. (2005). *Tsennostnye orientatsii russkoi klassiki* [Value Orientations of the Russian Classics]. Moscow, Gnozis. 432 p.
- Ivanova, V. Ya. (2010). «Okno» v povesti V. G. Rasputina «Poslednii krok»: khronotop preobrazheniya ["Window" in the Story "The Last Term" by V. G. Rasputin: Chronotope of Transformation]. In Mineralov, Yu. I., Jur'ev, O. Yu. (Eds.). *Tri veka russkoi literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya: mezhvuzovskii sb. nauch. tr.* Moscow. Issue 22, pp. 94–98.
- Ivanova, V. Ya. (2012). «I plachet dusha moja za ves' mir...»: pravoslavnyaya asketika v ikonografii povesti V. G. Rasputina «Poslednii krok» ["And My Soul Cries for the Whole World ...": Orthodox Asceticism in the Iconography of V. G. Rasputin's Story "The Last Term"]. In Plehanova, I. I. (Ed.). *Vremya i tvorchestvo Valentina Rasputina: mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya Valentina Grigor'evicha Rasputina: materialy* (). Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, pp. 348–358.
- Karpov, A. A., Tver'yanovich, K. Ju. (2019). Turgenevedenie segodnya: itogi i problemy izucheniya tvorchestva pisatelya [Turgeneve Studies Today: the Results and Problems of Studying the Writer's Work]. In *Mir russkogo slova*. No 1, pp. 101–109.
- Losev, A. F. (2014). *Dialektika mifa* [Dialectic of Myth]. Saint Petersburg. 320 p.
- Novikova-Stroganova, A. A. (2015). *Khristianskii mir I. S. Turgeneva* [Christian World I. S. Turgenev]. Ryazan, Zerna-Slovo. 336 p.

Rasputin, V. G. (2007). *Sobranie sochinenii*. [Collected Works, in 4 vols.]. Irkutsk, Izdatel' Sapronov G.K. 440 p.

Rasputin, V. G. (2007). *V poiskakh berega: povest', ocherki, stat'i, vystupleniya, esse* [In Search of the Shore: Story, Articles, Speeches, Essays]. Irkutsk, Izdatel' Sapronov. 528 p.

Red'kin, V. A. (2018). Duhovnyi realizm kak khudozhestvennyi metod sovremennoi literatury [Spiritual Realism as an Artistic Method of Modern Literature]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya*. No 1, pp.71–78.

Rev. Silouan. (2009). *Plachet' dusha moya za ves' mir* [My Soul Cries for the Whole World]. Moscow, Palomnik. 237 p.

Turgenev, I. (2017). *Zapiski ohotnika: ocherki* [Hunter's Notes: Essays]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus. 480 p.

Zen'kovsky, V. V. (2008). *Sobranie. sochInenii. T. 1. O russkoi filosofii i literature: stat'i, ocherki i retsenzii (1912–1961)* [Collected Works Vol. 1. On Russian Philosophy and Literature: Articles, Essays and Reviews (1912-1961)]. Moscow, Russkii put'. 448 p.

Данные об авторе

Иванова Валентина Яковлевна – кандидат филологических наук, кандидат культурологии, доцент кафедры новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия).

Адрес: 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 8.

E-mail: i_valya@mail.ru.

Author's information

Ivanova Valentina Yakovlevna – Candidate of Philology, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of Department of Contemporary Russian Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).